

Введение

Автор описывает динамику понимания термина «perpetrator» – «участника преступления», описывает первостепенные исследовательские вопросы международного проекта.

Ключевые слова: Perpetrator, сотрудники НКВД, «Большой террор».

«*Perpetrator*» – изучение этого феномена представляет в значительной степени «неизведанную территорию» в истории Советского Союза. Англоязычный термин происходит от латинского *perpetrare* и означает «совершить преступление, хищение или что-либо возмутительное»¹. В историографии изучения сталинского СССР этот термин, как правило, не использовался. Отчасти, это произошло из-за нежелания искать, помимо Сталина, других виновных и ответственных за чудовищные преступления того времени. Сталин, таким образом, становился единственным «*perpetrator*» с узким кругом преданных приспешников, всего лишь в силу неспособности исследователей выйти за рамки традиционного для историографии подхода к изучению советского общества «сверху вниз» и связанных с этим образов советских людей, бюрократии и всего общества, – безликих, пассивных и подавленных террором. Причиной такого видения отчасти стали долгие десятилетия ограниченного доступа к архивам, а также и само длительное существование СССР до 1991 г.

Напротив, историки, которые исследовали нацистскую Германию и Холокост, посвятили бесчисленное количество работ изучению феномена «*perpetrator*»². Рауль Хилберг (Raul Hilberg)

* Виола Линн – професор Торонтського університету (Канада).

¹ The Oxford English Reference Dictionary / eds. Judy Pearsall and Bill Trumble; 2-nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – P. 1082.

² Историография изучения феномена «*perpetrator*» см.: Roseman M. «Beyond Conviction? Perpetrators, Ideas, and Actions in the Holocaust in Historiographical Perspective» / Conflict, Catastrophe and Continuity: Essays on Modern German History / eds. Frank Biess, Mark Roseman, and Hanna Schissler. – New York: Berghahn Press, 2007. Двумя ключевыми работами, в которых представлены

первым использовал ставшую теперь классической триаду «жертва – свидетель – *perpetrator*»³. Понимание нацистского «*perpetrator*» в течение десятилетий варьировалось от «банального бюрократа», «убийцы за письменным столом» («*desk murderer*»)* и «обыкновенного человека», на одном конце сегмента, до «яростного идеолога», «злостного убийцы», в другом – с существованием разнообразных нюансов между этими крайностями. Всё чаще исследователи признают наличие «серых зон» между категориями «*perpetrator*» и «свидетель», а в некоторых случаях и между категориями «*perpetrator*» и «жертва»⁴. Необходимо отметить, что «свидетель» в данном случае не отражает суть англоязычного термина «*bystander*», который используется в литературе о Холокосте. Им обозначают тех, кто не был жертвами или «*perpetrator*», но был пассивным очевидцем событий, зачастую извлекая из них выгоду или молчаливо поддерживая преступника.

Разгром нацистской Германии и масштабность совершенных ею преступлений поставили мир и, в первую очередь, союз-

некоторые наиболее спорные вопросы проблемы, являются: *Browning Ch.R. Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland.* – New York: Harper Perennial, 1992; *Goldhagen D.J. Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust.* – New York: Vintage, 1997.

³ См.: *Hilberg R. The Destruction of the European Jews.* – New York: Holmes and Meier, 1985; *Browning Christopher R. The Path to Genocide.* – New York and Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

* «*Desk murderer*» – термин, принятый в историографии Холокоста для обозначения высокопоставленных нацистов, которые, возможно, лично и не принимали участия в массовых экзекуциях, но разрабатывали планы и орудия массового убийства в тиши своих кабинетов за письменным столом. Примером «убийцы за письменным столом» может служить *Otto Adolf Eichmann*, который разрабатывал планы массовых убийств в концентрационных лагерях и газовых камерах. В этом же значении в историографии Холокоста используется и термин «*desk murders*» – «убийства, совершенные за письменным столом». (Комментарий переводчика).

⁴ Термин «серая зона» («*gray zone*») заимствован из классических мемуаров Примо Леви. См.: *Levy P. The Drowned and the Saved.* – New York: Vintage, 1989. Научную разработку термина см. в сборнике статей: *Gray Zones: Ambiguity and Compromise in the Holocaust and its Aftermath* / eds. Jonathan Petropoulos and John K. Roth. – New York and Oxford: Berghahn Books, 2005.

ников, перед необходимостью наказать тех *«perpetrators»*, высокопоставленных и рядовых, кто пережил войну. Покарание проходило по-разному (порой цинично и не всегда успешно), но особенно важными были судебные процессы, начавшиеся в Нюрнберге во второй половине 1940-х гг. и продолжавшиеся в 1960-е гг., а также в более позднее время⁵. Процессы проводились для того, чтобы предъявить обвинения подсудимым, и, одновременно, стали попыткой понять, как якобы «цивилизованная» нация могла опуститься до таких зверств. Падение Третьего Рейха и последовавшие исследования историков привели к появлению различных подбий правды о функционировании нацистского режима – «правды», прикрытой ложью; секретов, спрятанных за эвфемизмами; выявлению образов «убийц за письменным столом» с их смертоносными чертежами, операторов газовых камер и тех, кто расстреливал в ярах, карьерах и оврагах Восточной Европы.

Все это резко отличается от того, что происходило в Советском Союзе. Там не было ни поражения в войне, ни связанной с ним послевоенной оккупации союзными державами, что привело бы к подрыву и делегитимизации сталинского режима. Напротив, победа в войне подняла «величие» Сталина на новую высоту. Генералиссимус выиграл, создав новую разновидность наследия, альтернативное прошлое, которое послужило легитимизации последующих советских руководителей и оказалось крайне полезным для использования Владимиром Путиным. СССР, или точнее Россия, как его преемник, не имели опыта, подобного Нюрнбергскому процессу, не было ни люстрации (очищения), ни комиссий «правды и примирения», ни Международного уголовного трибунала, которые позволили бы от-

⁵ Диапазон различных мнений о судебных процессах представлен в: *Blochham D.* *Genocide on Trial: War Crimes, Trials and the Formation of Holocaust History and Memory.* – Oxford: Oxford University Press, 2001; *Earl H.* *The Nuremberg SS-Einsatzgruppen Trial, 1945–1958.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – Chapter 1; *Pendas D.O.* «Seeking Justice, Finding Law: Nazi Trials in Postwar Europe» // *Journal of Modern History.* – June 2009. – N. 2. – Vol. 81. – P. 347–368; *Douglas L.* *The Memory of Judgment: Making Law and History in the Trials of the Holocaust.* – New Haven: Yale University Press, 2001.

крыть архивы и воздать за преступления. Это не значит, что не раздавались голоса, главным образом, за пределами Советского Союза, которые требовали привлечь к суду виновных, но в условиях триумфализма холодной войны эти требования, как представляется, были продиктованы скорее жадой мести, чем справедливости⁶. Не считая неудачного суда 1990-х гг. над КПСС, ближайшим подобием собственного Нюрнберга для России стали драматичные, хотя и всегда ограниченные, откровения, сопровождавшие десталинизацию эпохи Хрущёва, и более свободные и широкие дискуссии в прессе во время горбачёвской гласности и ельцинских 1990-х гг.⁷ Общественные организации, подобные «Мемориалу», послужили форумом для исследования и обсуждения травмы прошлых советских репрессий, однако, голоса представителей этих организаций с началом нового века стали всё более изолированы и редки.

Тем не менее, был в российской истории короткий период с 1938 по 1941 гг., когда феномен «*perpetrator*» обсуждался активно, хотя и за закрытыми дверями, в серии секретных судебных процессов над оперативными сотрудниками НКВД всех уровней региональной иерархии. Предметом разбирательства были совершенные ими «нарушения социалистической законности». Эти судебные процессы известны как «*purge of the purgers*» – «чистка чистильщиков». Расследования начались в ноябре 1938 г., после прекращения массовых репрессивных операций. 17 ноября 1938 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) издали

⁶ См., напр.: *Applebaum A. Gulag: A History.* – New York: Doubleday, 2003. Эпилог и особенно С. 575, где автор использует фразу «*Gulag denier*» («отрицающие существование ГУЛАГа») в отношении ряда определённых, но не названных по имени лиц; а также: *The Black Book of Communism / eds. Courtois Stephane et al.; trans. J. Murphy and M. Kramer.* – Cambridge: Harvard Univer. Press, 1999, особенно статьи Мартина Малии и Стефана Куртуа (*Martin Malia and Stephane Courtois*), оба из которых видят в коммунизме моральный эквивалент нацизма. См. также: *David-Fox M. On the Primacy of Ideology // Kritika.* – 2004. № 1. – Vol. 5. – P. 81–106.

⁷ Суд закончился без принятия решения. Информацию об источниках, полученных в результате судебного разбирательства, см.: *Архивы Кремля и Старой Площади: Документы по делу КПСС.* – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995.

постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Отметив, что очистка страны от внутренних врагов сыграла положительную роль в обеспечении будущего успеха социалистического строительства, и что чистки ни в коей мере ещё не закончены, авторы постановления, тем не менее, указали на проблемы, недостатки и нарушения в работе НКВД и прокуратуры, в центре и на местах. В постановлении говорилось о «массовых и необоснованных арестах», нарушении советских законов, пренебрежении агентурно-осведомительной работой и качеством расследований, а также о фальсификации уголовных дел. Выходило, что враги народа работали в НКВД и прокураторе. Постановление призывало прекратить массовые аресты и ликвидировать печально известные «тройки», ставшие одним из формальных центров репрессий на местах⁸.

26 ноября 1938 г., через два дня после того как Н. И. Ежов был устранён с поста главы НКВД, новоназначенный нарком внутренних дел Л. П. Берия издал приказ № 00762 «О порядке осуществления постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.». Приказ призывал немедленно прекратить массовые аресты, разрешив лишь индивидуальные аресты с предварительной санкции прокурора. Спустя месяц, 22 декабря 1938 г. Берия приказал, чтобы все приговоры, вынесенные «тройками» и не приведённые в исполнение до 17 ноября 1938 г., были отменены, а все дела по этим приговорам направлены в суды⁹. 28 декабря 1938 г. совместная директива НКВД и Прокуратуры СССР приказывала принять к рассмотрению все жалобы и пе-

⁸ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора: история операции по приказу НКВД № 00447. – М.: Новый хронограф, 2008. – С. 426–429. Постановление опубликовано в: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы, 1927–1939. В 5-ти т. / Ред. В. П. Данилов, Р. Т. Маннинг и Л. Виола. – М.: РОССПЭН, 2006. – Т. 5. – Кн. 2. – С. 307–311.

⁹ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. – С. 429–437. Л. Берия был назначен первым заместителем Н. Ежова 22 августа 1938 г. См.: Там же. – С. 405. Приказ НКВД СССР от 26 ноября 1938 г. опубликован в: Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938 / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. – М.: Материк, 2004. – С. 612–617.

тиции населения на решения «троек», а в случае неправомерности вынесенного «тройкой» приговора, дело закрыть¹⁰.

Эти изменения в политике привели к восстановлению в партии около 77 тыс. коммунистов¹¹. В то же время политбюро ЦК ВКП(б) начало широкомасштабную проверку аппарата НКВД, как в центре, так и в регионах. В результате проверки 7372 человека (22% общего оперативного состава НКВД СССР) в 1939 г. были отстранены от работы. Из них – 66,5% были уволены за должностные преступления, «контрреволюционную» и другую компрометирующую деятельность. Из числа уволенных – 695 работали в центральном аппарате НКВД. В общей сложности были заменены: четыре из пяти начальников главных управлений центрального аппарата НКВД СССР, четыре из пяти заместителей и помощников начальников Главного управления, 28 из 31 начальника оперативных отделов, 69 из 72 заместителей и помощников начальников оперативных отделов. Из общего числа 6174 руководящих оперативных работников – 3830 (62% общего состава) были заменены. В Московской области более половины начальников райотделов НКВД были репрессированы. В то же самое время 14 506 новых работников были приняты на работу в НКВД в 1939 г., что составило 45,1% от общего числа оперативных кадров¹².

¹⁰ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939... – Т. 5. – Кн. 2. – С. 324.

¹¹ *Khlevniuk O. Party and NKVD: Power Relationships in the Years of the Great Terror // Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union / eds. Barry McLoughlin and Kevin McDermott. – New York: Palgrave MacMillan, 2004. – P. 26–27.*

¹² *Кокурин А., Петров Н. НКВД: структура, функции, кадры (1938–41) // Свободная мысль. 1997. – № 7. – С. 111–112. Данные о Московской области взяты из: Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 109. Автор благодарит Н. Петрова за указание, что на 1 января 1939 г. это были следующие главные управления НКВД СССР: Главное управление пограничной и внутренней охраны, Главное управление рабоче-крестьянской милиции, Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений, Главное управление шоссейных дорог, Главное управление пожарной охраны. Начальник не сменился только в последнем управлении. В это число не входят сведения о главках, организованных в конце 1938 г., так в большинстве из них начальников не назначили на 1 января 1939 г.*

В итоге, 937 работников НКВД были арестованы, некоторые из них получили длительные сроки заключения и даже смертные приговоры, но большинство отделались символическими наказаниями¹³. Так, в Украине значительную часть бывших сотрудников обвинили в должностных преступлениях (ст. 206-17, п. «а» или «б» УК УССР)¹⁴.

Михаил Суслов, первый секретарь Орджоникидзевского обкома ВКП(б), выступая на партийной конференции в марте 1940 г., сказал, что в то время как треть общего состава работников НКВД находилась под следствием, только несколько десятков человек были осуждены. По его словам, проводившие проверку старались подходить к каждому случаю индивидуально, чтобы сохранить тех товарищей, особенно, среди нижних чинов и молодёжи, кто совершил нарушения социалистической законности под давлением преступного начальства, и что из НКВД вычищали только тех, кто действовал по собственной инициативе и злему умыслу, а также имел эгоистические и враждебные намерения¹⁵.

«Инициатива» и «злой умысел» могли подразумевать массовую фальсификацию дел, убийства во время допросов и систематическое воровство, а иногда перепродажу имущества жертв. Среди арестованных сотрудников НКВД одни были садистами, другие циниками и коррумпированными людьми, третьи – просто «хорошими» чекистами в патологическом контексте то-

¹³ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора.... – С. 424.

¹⁴ Статья гласила: «206-17 а) За зловживання владою, перевищення влади, бездіяльність влади, а також недбайливе ставлення до служби особи начальника складу Робітничо-Селянської Червоної Армії, якщо ці дії вчинювано систематично або з корисливих міркувань чи з іншої особистої зацікавленості, а також якщо вони мали своїм наслідком дезорганізацію доручених їй сил чи дорученої їй справи, або розголошення військових таємниць чи інші тяжкі наслідки, але завідомо могли їх мати, чи були вчинені за воєнного часу або в бойовій обстановці, – позбавлення волі на строк не менше як шість місяців; б) за ті самі дії при особливо обтяжуючих обставинах – вищий захід соціальної оборони...». См.: Кримінальний кодекс УРСР. Офіційний текст з змінами і доповненнями на 1 жовтня 1938 р. / Сост. Народний комісаріат юстиції. – К., 1938. – С. 132.

¹⁵ Процитировано в: *Khlevniuk O. Party and NKVD...* – P. 31–32.

го времени. И, разумеется, все они просто «исполняли приказы», одни более «творчески», чем другие.

В декабре 1938 г. Амаяк Захарович Кобулов, «человек Бери», прибыл в Украину, чтобы принять командование республиканским НКВД. Прежний начальник, Александр Иванович Успенский, сбежал, понимая, что падение Ежова означает и его собственное¹⁶. Кобулов начал «чистку чистильщиков» в Украине, приведшую к закрытым судебным процессам военного трибунала войск НКВД Киевского особого военного округа. Эти процессы касались сотрудников всех уровней – республиканского, областного и районного в иерархии НКВД УССР. История «чистки чистильщиков» долго оставалась скрытой от общества. Материалы судов были засекречены в советских архивах и оставались засекреченными после распада СССР в архиве ФСБ России. В Украине, однако, архивы открыли свои двери для исследователей, ищущих информацию об этих исключительно интересных событиях советской истории.

Проект, в результате которого появилась эта книга, начался в 2010 г. на конференции по сталинскому террору, созданной Джеймсом Харрисом в Лидсе (Великобритания)¹⁷. Линн Виола представила там доклад по общей теме «*perpetrators*»¹⁸. В ответ, Марк Юнге отметил, что существуют и доступны материалы о «*perpetrators*» в украинских архивах. Затем, в 2011 г. Виола и Юнге объединились с группой известных историков из Украины, России, Молдовы, Грузии и США, имевших большой опыт работы в архивах органов безопасности бывшего Советского Союза, некоторые из них ещё в советское время фактически заложили основы изучения этой темы. Среди этих историков: Валерий Васильев, Вадим Золотарёв, Ольга Довбня, Сергей Кокин, Роман Подкур, Джеффри Россман, Андрей Савин и Алексей Тепляков. Позднее к нам присоединились Игорь Кашу и Тимоти Блау-

¹⁶ Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник / ред. Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. – М.: Звенья, 1999. – С. 76.

¹⁷ Результатом конференции стала публикация книги: *The Anatomy of Terror: Political Violence under Stalin* / ed. J. Harris. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.

¹⁸ *Viola L. The Question of the Perpetrator in Soviet History // Slavic Review.* – Spring, 2013. – N. 1. – Vol. 72. – P. 1–23.

вельт, которые провели аналогичные исследования в архивах Молдовы и Грузии.

Главными источниками в нашем распоряжении для проведения этого исследования были следственные и личные дела арестованных сотрудников НКВД, а также стенографические протоколы партийных собраний в органах госбезопасности. Эти источники стали открытием одного из «окон» для познания наиболее тайного периода сталинизма – массовых репрессий (Большой террор). Следственные дела содержат стенографические отчёты о закрытых судах над оперативными работниками НКВД республиканского, областного и районного уровней. Они также включают подлинники ордеров на арест, материалы обысков, биографические данные, внесённые в стандартные бланки, протоколы допросов арестованных и показания свидетелей, апелляции и петиции, документы судебных заседаний, приговоры, определения Военной коллегии и разные типы других документов. Личные дела предоставляют дополнительные биографические и служебные данные, в то время как материалы партсобраний дают богатую информацию об условиях и обстановке в соответствующем органе НКВД.

Одной из первых спорных проблем для участников этого проекта стала терминология. Было не ясно, как переводить на украинский или русский языки английский термин «*perpetrator*»¹⁹. Одни участники предлагали использовать довольно бесцветный, но, возможно, менее «нагруженный» по смыслу термин «исполнители», другие предлагали более жёсткий, но и более субъективный термин «каратели» в качестве эквивалента английскому «*perpetrator*». В конечном итоге, согласие в вопросе терминологии так и не было достигнуто, но всех участников объединил энтузиазм в изучении чистки в НКВД и, особенно, историй тех сотрудников, которые по результатам проверки были арестованы.

¹⁹ В русско-английских словарях слово «*perpetrator*» также переводится как «нарушитель», «преступник» и «виновник». См.: Англо-русский словарь: 14-е изд. / Ред. В. К. Мюллер. – New York: Dutton, 1973. – С. 561; Oxford Russian Dictionary, 4th ed. / eds. M. Wheeler, B. Unbegaum, P. Falla, D. Thompson. – Oxford and New York: Oxford Univ. Press, 2007. – P. 1019.

Ключевые вопросы в этом проекте были связаны с изучением обоснования «чистки чистильщиков», феномена, случившегося в зените сталинской власти: каковы были мотивы руководства страны в проведении арестов и судебных процессов над сотрудниками НКВД? Каковы были критерии в выборе сотрудников НКВД для увольнения и ареста? Была ли эта чистка просто поиском «козлов отпущения», которая позволила руководству переложить вину за зверства массовых репрессий на кадры низшего уровня? Была ли эта чистка результатом конфликта между клиентами в НКВД или других структурах? Мы также стремились изучить механизм судебных процессов и их политический смысл, а также понять ту настойчивость, с которой руководство настаивало на использовании дискурса «нарушения социалистической законности». Возможно, более важно то, что мы стремились понять собственные мотивы сотрудников НКВД: истинно ли они верили в то, что творили, или были карьеристами и функционерами, исполнявшими приказы из страха или бюрократической рутины? Были ли они садистами, уголовниками или «обычными людьми» (в том значении, в котором Кристофер Браунинг использует этот термин для обозначения «*perpetrators*» в изучении Холокоста). Наконец, мы стремились предложить богатые деталями микроисторические описания и новые эмпирические данные для обогащения нашего понимания массовых репрессий (Большого террора), взглянув на них из комнат допросов и расстрельных камер НКВД.

Перевод Елены Осокиной

Виола Л. Вступ

Автор описує динаміку розуміння терміна «perpetrator» – «учасника злочину», окреслює першорядні дослідницькі питання міжнародного проекту. Ключові слова: Perpetrator, співробітники НКВС, «Великий терор».

Viola L. Introduction

Author describes and analyzes the dynamics of understanding the term «perpetrator» – criminal participant, shows the framework of the international research project.

Key words: Perpetrator, NKVD officers, Great Terror.